

СУИЦИДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМАТИЧЕСКИ КУРЯЩИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ОБОЕГО ПОЛА

А.В. Меринов, К.В. Полкова, О.В. Казаева, К.Е. Стаферова, Н.Л. Меринов

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России, г. Рязань, Россия
ГУЗ МО «Одинцовский наркологический диспансер», г. Одинцово, Россия

SUICIDOLOGICAL CHARACTERIZATION OF SYSTEMATICALLY SMOKING YOUNG PEOPLE OF BOTH GENDERS

*A.V. Merinov, K.V. Polkova, O.V. Kazaeva,
K.E. Staferova, N.L. Merinov*

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia
Odintsovo narcological dispensary, Odintsovo, Russia

Контактная информация:

Меринов Алексей Владимирович – доктор медицинских наук, доцент (SPIN-код: 7508-2691; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542; Researcher ID: M-3863-2016). Место работы и должность: профессор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» МЗ РФ. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7 (4912) 75-43-73, электронный адрес: merinovalex@gmail.com

Полкова Ксения Владимировна (SPIN-код: 1149-3624; ORCID iD: 0000-0002-4292-6544; Researcher ID: W-4794-2019). Место учёбы: клинический ординатор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7(915)590-65-41, электронный адрес: polkovaksu@gmail.com

Казаева Ольга Викторовна – кандидат медицинских наук (SPIN-код: 5362-5040; ORCID iD: 0000-0003-1630-6437; Researcher ID: Y-8228-2018). Место работы и должность: доцент кафедры профильных гигиенических дисциплин с курсом гигиены, эпидемиологии и организации госсанэпидслужбы ФДПО ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: 390026, Россия, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7 (4912) 46-08-03, электронный адрес: ovkazaeva@gmail.com

Стаферова Ксения Евгеньевна (ORCID iD: 0000-0001-9121-1150; Researcher ID: W-7165-2019). Место учёбы: клинический ординатор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7 (910) 574-99-53, электронный адрес: xenia.staferova@gmail.com

Меринов Николай Львович (SPIN-код: 3148-7219, ORCID ID: 0000-0003-3221-6693, Researcher ID: X-3710-2019). Место работы и должность: заведующий амбулаторным отделением ГУЗ МО «Одинцовский наркологический диспансер». Адрес: Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Можайское шоссе, д.55. Телефон: +7 (915) 435-55-07, электронный адрес: nikmerinov@gmail.com

Contact Information:

Merinov Alexey Vladimirovich – Doctor of Medical Sciences, Associate Professor (SPIN-код: 7508-2691; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542; Researcher ID: M-3863-2016). Place of work and position: Professor of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Visokovoltnaya str. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: merinovalex@gmail.com

Polkova Xenia Vladimirovna (SPIN-код: 1149-3624; ORCID iD: 0000-0002-4292-6544; Researcher ID: W-4794-2019). Place of study: clinical resident of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Visokovoltnaya str. Phone: +7(915)590-65-41, email: polkovaksu@gmail.com

Kazaeva Olga Viktorovna – кандидат медицинских наук (SPIN-код: 5362-5040; ORCID iD: 0000-0003-1630-6437; Researcher ID: Y-8228-2018). Place of work and position: Associate Professor of the Department of specialized hygienic disciplines with a course of hygiene, epidemiology and the organization of the Sanitary and Epidemiological Service Ryazan State Medical University. Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Visokovoltnaya str. Phone: +7 (4912) 46-08-03, email: ovkazaeva@gmail.com

Staferova Xenia Evgenievna (ORCID iD: clinical resident of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Visokovoltnaya str. Phone: +7 (910) 574-99-53, email: xenia.staferova@gmail.com

Merinov Nikolai Lvovich (SPIN-код: 3148-7219, ORCID ID: 0000-0003-3221-6693, Researcher ID: X-3710-2019). Place of work and position: Head of the Department of Odintsovo narcological dispensary. Address: Russia, Moscow region, Odintsovo, 55 Mozhayskoye highway. Phone: +7 (915) 435-55-07, email: nikmerinov@gmail.com

Проблема табакокурения в Российской Федерации продолжает волновать медицинское сообщество, несмотря на заметное снижение распространённости этой проблемы среди молодежи, благодаря популяризации здорового образа жизни. Курение изучено как безусловный фактор риска соматической патологии, однако в последнее время интерес вызвала возможная связь табакокурения и личностной аутоагрессивности. В ряде работ

отмечены позитивные корреляции между интенсивным курением и суицидальным поведением, но оценки эти получены, в основном, ретроспективно. Этот факт затрудняет квалификацию роли курения. В связи с вышесказанным произведено изучение и сравнение аутоагрессивной характеристики групп курящих и некурящих молодых людей. Цели и задачи: Исследование статистически значимых отличий в аутоагрессивном профиле между группами курящих и некурящих юношей и девушек. Обозначение связи систематического курения и представленности аутоагрессивных стигм среди лиц молодого возраста. Материалы и методы. Обследованы 495 девушек и 231 юноша, впоследствии разделённые на курящих и некурящих. Критерий включения в исследуемые группы – систематическое табакокурение, количество выкуриваемых сигарет более десяти в сутки. В качестве диагностического инструмента использовался опросник для выявления аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем. Было произведено сравнение всех изучаемых признаков в подгруппах. Математическую обработку данных проводили с помощью программ SPSS-Statistics и Statistica 12. Результаты и обсуждение. Данные исследования выявляют явно повышенный аутоагрессивный «потенциал» в исследованных группах. Высокие показатели, характеризующие суицидальную направленность реализации аутоагрессивных импульсов, обнаружены только среди девушек: количество суицидальных попыток превышало таковые в контрольной группе – более чем в три раза (17,0% против 5,5%), а количество суицидальных мыслей более чем в полтора (34,9% против 21,1%). Обнаруженные данные нуждаются в дальнейшем изучении, однако уже на этом этапе исследования мы можем говорить о возможном прогностическом значении табакокурения для диагностики риска суицидального поведения у девушек. Обнаруженные несуйцидальные феномены аутоагрессивного поведения у девушек обращают на себя внимание преимущественно «наркологическим» типом реализации аутоагрессивных импульсов: злоупотребление алкоголем наблюдалось в 24,8% случаев, наркотических препаратов – в 20,4% (в контрольной группе – у 4,6% и 7,8% соответственно), а также рискованным модусом поведения – с разницей в группах в три и более раз. Переходя к аналогичным сериям сравнений в юношеских группах, отметим отсутствие статистически значимых отличий в суицидологическом профиле ($p > 0,05$). Это может быть связано с более лояльным отношением к курящим мужчинам в нашей стране, которое сложилось уже на протяжении нескольких десятилетий. В отношении предикторов аутоагрессивного поведения отметим периоды гипотимии с переживаниями безысходности в женской группе. Обнаруженная склонность к неоправданному риску у курящих девушек коррелировала с наличием опасных хобби. Таким образом, обнаруженные аффективные и поведенческие нарушения гармоничны для аутоагрессивного профиля курящих девушек. Связь суицидологических феноменов и факта табакокурения сложно объяснить только с позиций влияния гендера. Курение в группе молодых женщин, вероятно, может являться индикатором личностного дискомфорта, аффективных проблем, часто ассоциированных с суицидальными паттернами, как в мыслях, так и в поведении. Выводы. В результате исследования выявлена связь между табакокурением и аутоагрессивным поведением в женской группе. При работе с курящими девушками следует рассматривать курение табака как фактор риска суицидального поведения. Отсутствие таких суицидальных закономерностей среди юношей поднимает вопрос уточнения влияния гендера.

Ключевые слова: никотиновая зависимость, табакокурение, аутоагрессия, суицидальное поведение

По данным ВОЗ за 2016 год Российская Федерация является одним из лидеров в Европе по распространённости табакокурения [1]. Среди лиц 15 лет и старше распространённость среди обоих полов составляла 40,9%, среди мужчин – 58,3%, среди женщин – 23,4%. В последние годы тщательно изучаются эмоциональные и социальные аспекты употребления табачных изделий, а также их влияние на формирование зависимости [1]. Выяснено, что курение гораздо чаще встречается у людей, которые сталкиваются со стрессом или находятся в неблагоприятном социальном положении. Курение чрезвычайно распространено среди заключённых, психически больных, представителей различных меньшинств и профессий, связанных с высоким риском для жизни [2, 3]. Известно, что именно эти социальные группы отличаются высоким уровнем аутоагрессивной настроенности [4, 5].

Понимая на данный момент под аутоагрессивным поведением любые действия, направленные на причинение себе вреда в физической, психосоциальной или духовной области [6, 7], многие исследователи [2, 8, 9] задаются закономерным вопросом: является ли табакокурение, как поведение с отчётливо представленным

According to WHO estimates, the Russian Federation is one of the leading countries in Europe for popularity of tobacco smoking [1]. Smokers of both genders make 40.9% of the population aged 15 years and older, among them 58.3% are men and 23.4% – women. Recently much attention has been given to a thorough study of emotional and social aspects of intake of tobacco products and of their role in formation of addiction [1]. It was found out that smoking is much more common among people who are facing stress or are in unfavorable social conditions. Smoking is widely spread among incarcerated individuals, mentally disabled patients, representatives of different minorities and of occupations associated with a high hazard to life [2, 3]. It is these social groups that are characterized by a high level of autoaggressiveness [4, 5].

Understanding autoaggressive behavior as any actions directed at making harm to oneself in physical, psychosocial and mental sphere [6, 7], many researchers [2, 8, 9] ask a reasonable question: is smoking being the behavior with a distinct component of ‘harming oneself’, with

компонентом «причинения вреда себе», осознаваемыми последствиями для здоровья, а также очевидным элементом добровольности – по своей сути, аутоагрессивным актом? Существуют ли отчетливые корреляции с иными видами саморазрушающего поведения? Нам хорошо знакома концепция Карла Меннингера о «хроническом суициде» [10], под которым подразумевались скрытые, незаметные, а часто – социально приемлемые формы стремления к самоуничтожению, к каковым, по праву, относилось и потребление никотина. Стоит заметить, что в ряде работ указывается на позитивные корреляции между аутоагрессивным поведением, в частности суицидальным поведением, с одной стороны и, интенсивным курением, с другой [9, 11, 12], однако большинство исследований касается установления этой связи «постфактум» – после клинико - психологической аутопсии суицидента. Этот факт затрудняет квалификацию роли курения, поскольку мы понимаем, что «интенсивное курение», к примеру, часто является маркером аффективных нарушений, имевших место в пресуицидальном состоянии.

Связь между систематическим табакокурением и суицидальными паттернами нередко объясняют с позиции механизма развития зависимости. Никотин влияет на центральную нервную систему как агонист N-подтипа ацетилхолиновых рецепторов, вызывая повышение концентрации серотонина, бета-эндорфина, дофамина, что приводит к повышению настроения, ощущению комфорта, воспринимается курящими как «снятие стресса». Вследствие снижения чувствительности рецепторов на фоне хронического потребления никотина, образуются дополнительные ацетилхолиновые рецепторы, обладающие повышенным сродством к никотину [13, 14]. Со временем способность дофаминергических структур выделять дофамин на обычные «сигналы» истощается, возникает психический дискомфорт, в том числе депрессия, суицидальные мысли.

В любом случае, в настоящий момент рассматриваемые вопросы требуют дальнейшего изучения и уточнения. Крайне любопытным является поиск представленности табакокурения в условно интактных массивах, где есть возможность изучить его возможную связь со значимыми в суицидологии индикаторами.

В связи с этим произведено изучение и сравнение аутоагрессивных характеристик курящих и некурящих молодых лиц мужского и женского пола. Отдельно подчеркнем тот факт, что в нашей стране активно осуществляется антитабачная государственная программа, что определенно имеет свои результаты. Курение перестало быть «модной привычкой», количество курящих молодых людей снижается, что делает изучение продолжающих курить, ещё более любопытным с позиций суицидологии, поскольку у них данный паттерн сохраняется, несмотря на общественный ostracism и экономическое бремя.

recognizable consequences for health and being absolutely voluntarily, essentially an autoaggressive act? Are there any distinct correlations of smoking with other kinds of self-defeating behavior? We are well familiar with the «chronic suicide» concept of Karl Menninger [10] understood as implicit, unnoticeable, and often socially acceptable forms of aspiration to self-destruction into which intake of nicotine can be justly included. To note, some works emphasize positive correlations between autoaggressive, in particular, suicidal behavior, on the one hand, and intense smoking, on the other [9, 11, 12]. But, however, in most studies this correlation is established «post factum» – after clinic-psychological autopsy of the suicider. This fact makes it difficult to qualify the role of smoking, since we understand that «intense smoking», for example, is often a marker of affective disorders in presuicidal condition.

The relationship between systematic smoking and suicidal patterns is often explained from the point of view of the mechanism of development of addiction.

Nicotine acts on the central nervous system as an agonist of N-subtype of acetylcholine receptors increasing concentration of serotonin, beta-endorphin, dopamine, with the result of raising mood, appearance of feeling of comfort, which is perceived by a smoker as «stress coping». Due to reduction of the sensitivity of receptors with the underlying chronic intake of nicotine, additional nicotine receptors are formed having enhanced affinity to nicotine [13, 14]. Over time, the ability of dopaminergic structures to release dopamine in response to normal «signals» is depleted, which results in mental discomfort including depression and suicidal thoughts.

Anyway, the considered questions require further study and clarification. Of interest is a search for representation of tobacco smoking in conventionally intact groups where it is possible to study its probable connection with parameters having significance in suicidology.

In this connection, autoaggressive characteristics of smoking and non-smoking young people of male and female gender were studied and compared. We would like to especially emphasize the fact of active realization of the governmental anti-nicotine program in our country which gives definite results. Smoking is no longer a «trendy habit», the amount of young smoking people definitely declines, which makes it more interesting to study individuals that continue smoking, from positions of suicidology, since they preserve this pattern despite social ostracism and economic burden.

Aim – to establish statistically significant differences in the autoaggressive profile

Цель исследования: поиск статистически значимых отличий в аутоагрессивном профиле между группами курящих и некурящих молодых людей обоего пола.

Задачи: изучение связи систематического табакокурения и представленности аутоагрессивных стигм среди лиц молодого возраста в отечественной популяции.

Материалы и методы.

Для решения поставленных целей были обследованы 495 девушек и 231 юноша. Для проведения опроса была организована онлайн-площадка на базе нескольких учебных заведений. Общая когорта обследованных была разделена на четыре подгруппы: курящие юноши, курящие девушки, некурящие юноши и девушки. Критерием включения в исследуемые группы являлось систематическое табакокурение, когда количество выкуриваемых за сутки сигарет превышало десять. Критерием исключения являлось табакокурение общей продолжительностью менее двух лет, меньшее число выкуриваемых сигарет, периодическое курение.

В 29,9% наблюдений ($n=148$) у женщин было выявлено курение табака, у мужчин – в 37,2% наблюдений ($n=86$), которые и вошли в исследуемые группы. Контрольные группы составили соответственно оставшиеся 347 женщин и 145 мужчин. Средний возраст в исследуемой группе женщин составил $20,7\pm 1,6$ года, в исследуемой группе мужчин – $21,6\pm 1,7$ лет. В контрольных группах соответственно $20,8\pm 1,2$ и $21,5\pm 1,8$ года. В качестве диагностического инструмента использовался опросник для выявления аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем [15]. Для решения поставленной задачи было произведено сравнение всех изучаемых признаков в подгруппах.

Статистический анализ и обработка данных была произведена посредством непараметрических статистических методов математической статистики с использованием χ^2 , а также χ^2 с поправкой Йетса. Описание статистических данных для непараметрических критериев представлено в виде n (%) (абсолютное количество признака в группе и его процентное отношение к общему количеству членов группы). Математическую обработку данных проводили с помощью программ SPSS-Statistics и Statistica 12. Нулевая гипотеза о сходстве двух групп по оцениваемому признаку отвергалась при уровне значимости $p<0,05$.

Результаты и их обсуждение.

Сразу отметим, что полученные данные обнаруживают повышенный аутоагрессивный «потенциал» в исследуемых группах. Кроме того, большое количество статистически значимых отличий, на наш взгляд, определяются половой принадлежностью респондентов, что и определило логику презентации обнаруженных в исследовании результатов.

between groups of smoking and non-smoking individuals of both genders.

Tasks: to study the link between systematic smoking and evidence of autoaggressive stigmas among young individuals of Russian population.

Materials and Methods

To realize the set aims, 495 girls and 231 boys were examined. For questioning, online site was organized on the base of several educational institutions. The total cohort of participants was divided into four subgroups: smoking young men, smoking girls, non-smoking young men, non-smoking girls. The criterion for inclusion into the groups of study was systematic tobacco smoking with the number of cigarettes smoked per day more than ten. The criterion for exclusion was smoking with overall duration less than 2 years, a smaller number of smoked cigarettes, periodical smoking.

148 Women (29.9%) and 86 men (37.2%) were smokers and were included into the groups of study. Control groups included the remaining 347 women and 145 men, respectively. The mean age in the studied group of women was 20.7 ± 1.6 years, and in the studied group of men – 21.6 ± 1.7 years. The mean age in the control groups was 20.8 ± 1.2 and 21.5 ± 1.87 years, respectively. As a diagnostics tool, a questionnaire was used for identification of autoaggressive patterns and their predictors in the past and present [15]. To achieve the set goals, comparison of all the studied characteristics in the subgroups was carried out.

Statistical analysis and processing of data were carried out by non-parametric methods of mathematical statistics using χ^2 and χ^2 with Yates correction. Description of statistical data for non-parametric criteria was presented in the form of n (%) (absolute quantity of a parameter in a group and its percentage of the total number of members of the group). Mathematical processing of the data was conducted using SPSS-Statistics and Statistica 12 programs. The null hypothesis of similarity of two groups for the assessed characteristics was rejected at significance value $p<0.05$.

Results and Discussion

First of all, it should be stated that the obtained data showed increased autoaggressive «potential» in the studied groups. Besides, in our opinion, a large quantity of statistically significant differences were dependent on the gender of respondents, which determined the logic of presentation of the results obtained.

As to the suicidal patterns of behavior, significant differences were found only in girls, which to a certain extent agrees with the earlier data [10, 13] (Table 1).

Таблица 1 / Table 1

Представленность суицидальных паттернов среди групп девушек
Presence of Suicidal Patterns in Groups of Girls

Признак Parameter	Курящие девушки Smoking Girls n=148		Некурящие девушки Non-smoking Girls n=347		χ^2	P
	n	%	n	%		
Суицидальные попытки в анамнезе вообще Suicidal attempts in anamnesis in general	25	17,0	19	5,5	16,7	0,0000
Суицидальные попытки в последние 2 года Suicidal attempts in the recent 2 years	17	11,5	3	0,9	30,2	0,0000
Суицидальные мысли в анамнезе вообще Suicidal thoughts in anamnesis in general	51	34,9	73	21,1	9,9	0,0016
Суицидальные мысли в последние 2 года Suicidal thoughts in the recent 2 years	35	33,7	40	11,5	11,9	0,0006

Если касаться изолировано суицидальных паттернов поведения, то значимые отличия обнаружены только среди девушек, что, в определённой степени, согласуется с ранее приводимыми данными [10, 13] (табл. 1).

В исследуемой группе обнаружены высокие показатели, характеризующие суицидальную направленность реализации аутоагрессивных импульсов. Количество суицидальных попыток в анамнезе в группе превышает таковую в контрольной более, чем в три раза. Мы практически не видим попыток в последние два года в контрольной группе, при этом у курящих девушек данный показатель равнялся 11%. Аналогичную закономерность мы наблюдаем и в отношении суицидальных мыслей вообще, и в последние два года в частности. Обнаруженные данные, безусловно, нуждаются в дальнейшем уточнении и изучении. Однако уже на этом этапе исследования, мы можем с полной уверенностью говорить о наличии связей между явлениями и возможным прогностическом значении табакокурения для диагностики риска суицидального поведения у девушек.

Обращают на себя внимание обнаруженные несуйцидальные аутоагрессивные феномены, статистически значимо характеризующие женскую группу (табл. 2).

The studied group showed high parameters characterizing suicidal direction of realization of autoaggressive impulses. The amount of suicidal attempts in the anamnesis in the group was over 3 times than that in the control group. We practically did not see suicidal attempts in the control group in the recent two years, while in smoking girls this parameter was 11%. A similar tendency was found in the suicidal thoughts in general and in the recent two years in particular. The obtained data obviously need further clarification and study. However, even at this stage of study we may speak about the existence of relationships between the phenomena and a probable prognostic significance of smoking for diagnosing the risk of suicidal behavior in girls with absolute confidence.

Of note are non-suicidal autoaggressive phenomena that significantly characterize the studied female group (Table 2).

Таблица 2 / Table 2

Несуйцидальные аутоагрессивные паттерны среди девушек
Non-Suicidal Autoaggressive Patterns among Girls

Признак Parameter	Курящие девушки Smoking Girls n=148		Некурящие девушки Non-Smoking Girls n=347		χ^2	P
	n	%	n	%		
Злоупотребление алкоголем последние 2 года Abuse of alcohol in the last 2 years	34	23,3	16	4,6	38,5	0,0000
Злоупотребление алкоголем вообще Abuse of alcohol in general	36	24,8	16	4,6	42,9	0,0000
Употребление наркотиков последние 2 года Intake of narcotic drugs in the last 2 years	23	15,7	21	6,1	11,5	0,0007
Употребление наркотиков вообще Intake of narcotic drugs in general	30	20,4	27	7,8	15,9	0,0001
Опасные хобби последние 2 года Dangerous hobbies in the last 2 years	29	19,9	22	6,4	19,7	0,0000
Опасные хобби вообще Dangerous hobbies in general	32	22,1	27	7,8	18,9	0,0000

Стоит отметить преимущественно «наркологический» характер реализации аутоагрессивных импульсов [16], что нашло отражение в частоте выявления у респонденток злоупотребления алкоголем и опыта употребления наркотических средств. Также обнаружено преобладание в группе опасных для жизни хобби (традиционно относимых к преимущественно мужским формам реализации аутоагрессивных тенденций [16]): разница между показателями в группах достигает трёх и более раз. Стоит заметить, что нами не обнаружено статистически значимых отличий в отношении остального спектра несуйцидальных аутоагрессивных феноменов: в их отношении рассматриваемые группы имеют схожие показатели. Тем не менее, в контексте обнаруженных отличий в отношении суйцидальных паттернов в исследуемой группе, полученные данные выглядят весьма значимыми для суйцидологической практики, поскольку многие наркологические показатели в существенной мере превышают таковые в группе сравнения (как показывают наши опросы, они отличаются и от усредненных оценок распространенности явлений непрофессиональным сообществом). По всей видимости, выступая в качестве – как маркеров аффективной патологии, так и облегчающих суйцидальное поведение субстанций. Отдельно отметим, что почти всем приводимым в таблице показателям, курящие девушки сопоставимы с аналогичными юношами (данные приведены в таблице ниже), то есть – привычная нам гендерная и социально приемлемая разница размывается.

Переходя к аналогичным сериям сравнений в юношеских группах, сразу отметим, что нами не было обнаружено статистически значимых отличий в отношении суйцидальной реализации аутоагрессивных импульсов (суйцидальные попытки и мысли). Для наглядности приведем значение показателей в соответствующих группах (табл. 3).

Сложно судить, по какой причине отсутствуют отличия между рассматриваемыми группами, особенно в свете таковых, обнаруженных в женской группе. Просто выскажем ряд своих предположений.

Worth noting is the primarily «narcological» pattern of realization of autoaggressive impulses [16] that was reflected in the frequency of detection of alcohol abuse and of experience of using narcotic drugs in girls. There was also detected predomination of life-threatening hobbies in the group (traditionally referred to male forms of realization of autoaggressive tendencies [16]): the difference between parameters in groups reached three times and more. It is worthy of note that we did not find any statistically significant differences in the rest spectrum of non-suicidal autoaggressive phenomena: here, the parameters were similar in all the groups. Nevertheless, in the context of differences in the suicidal patterns in the studied group, the obtained data seem to be rather significant for suicidological practice, since many narcological parameters considerably exceeded those in the comparison group (as it was shown by our questionnaires, they also differ from the average estimates of the incidence of the phenomena given by non-professional community), and probably act both as markers of affective pathology and as substances relieving suicidal behavior. It should be specially mentioned that in almost all the given parameters, smoking girls were comparable with smoking boys (the data are given in the table below), that is, the traditional gender-related and socially acceptable border was blurred.

Moving on to similar comparisons in the group of young men, no statistically significant differences were found by us in suicidal realization of autoaggressive impulses (suicidal attempts and thoughts). This is illustrated by the parameters given for the respective groups (Table 3).

It is difficult to suggest the reason for absence of differences between the examined groups, especially in view of their presence in the female group. But we would like to make some assumptions.

Таблица 3 / Table 3

Представленность суйцидальных паттернов среди групп юношей
Existence of Suicidal Patterns in Groups of Young Men

Признак Parameter	Курящие юноши Smoking Young men n=86		Некурящие юноши Non-Smoking Young Men n=145		χ^2	P
	n	%	n	%		
Суйцидальные попытки последние 2 года Suicidal attempts for the last 2 years	2	2,3	2	1,4	0,3	0,6024
Суйцидальные попытки вообще Suicidal attempts in general	7	8,1	9	6,2	0,3	0,5760
Суйцидальные мысли последние 2 года Suicidal thoughts for the last 2 years	11	12,5	13	9,0	0,7	0,3895
Суйцидальные мысли вообще Suicidal thoughts in general	17	19,5	25	17,2	0,2	0,6598

Таблица 4 / Table 4

Несуицидальные аутоагрессивные паттерны в группах юношей
Non-Suicidal Autoaggressive Patterns in Male Groups

Признак Parameter	Курящие юноши Smoking Boys n=86		Некурящие юноши Non-Smoking Boys n=145		χ^2	P
	n	%	n	%		
Злоупотребление алкоголем последние 2 года Alcohol abuse for the last 2 years	24	27,6	16	11,1	10,3	0,0013
Злоупотребление алкоголем вообще Alcohol abuse in general	25	29,1	18	12,5	9,7	0,0018
Употребление наркотиков последние 2 года Use of narcotic drugs for the last 2 years	18	20,5	12	8,3	7,2	0,0071
Употребление наркотиков вообще Use of narcotic drugs in general	26	29,9	20	13,8	8,9	0,0029
Опасные для жизни хобби последние 2 года Life-threatening hobbies for the last 2 years	21	23,9	19	13,1	4,5	0,0347

В нашей стране несколько десятилетий назад, курение традиционно было менее одиозной формой поведения именно для мужской популяции, и воспринималось как что-то «практически нормально». В отношении же курящих женщин подобной толерантности не наблюдалось. С приходом 90-х многие социальные стандарты претерпели изменения, что вызвало резкий рост курения в женской популяции. В последние три-четыре года, на фоне активно осуществляемой государственной антитабачной программы, количество курящих снижается. Мы начинаем наблюдать возвращение «традиционных взглядов» в отношении терпимости к полу зависимого от никотина. И курящий молодой мужчина – это в большей степени дань привычному стереотипу «псевдовзрослости», групповой принадлежности. И в меньшей – никотиновая зависимость является индикатором имеющихся эмоциональных нарушений, средством копинга, «лекарством» от одиночества. Что, как нам думается, является более значимым именно в женской группе, не смотря на изменившееся отношение к женскому курению и давление социально ориентированной рекламы. Подчеркнём, что данное положение нуждается в дальнейшем пристальном изучении.

Вернёмся к рассмотрению найденных отличий в мужских группах. В отношении ряда несуйцидальных аутоагрессивных феноменов, мы видим похожую ситуацию, которая наблюдалась в женской серии сравнений.

Безусловно, с наркологических позиций, данный факт не является удивительным, подобная аддиктивная полипатентность является широко изученным фактом, тем не менее, в контексте суицидологии данные ассоциации рядом исследователей рассматриваются как отдельный вид направления реализации аутоагрессивных импульсов [16]. Так же мы видим статистически значимые отличия в отношении травматичных хобби, кстати, именно которые и послужили причинами условных судимостей.

Several decades ago smoking in our country was traditionally considered a less odious form of behavior for male population and was regarded as something «practically normal». No such tolerance was observed in regard of smoking women. With the advent of the 90s, many social standards underwent changes that resulted in a sharp growth of smoking in female population. Within recent three-four years, due to active realization of the governmental anti-nicotine program, the amount of smoking people declined. We witness a return of «traditional views» concerning tolerance to the gender addiction to nicotine. And a smoking young man is to a large extent «a tribute» of a habitual stereotype of «pseudo-adulthood» and a sign of belonging to a certain group. And to a lesser extent nicotine addiction is a sign of existing emotional disorders, a means of coping, a «remedy» against solitude which, in our opinion, is more significant just in the female group despite a change in the attitude to female smoking and the pressure of socially oriented ads. But once again we emphasize that this statement requires a further thorough study.

Let us come back to the consideration of the detected differences in male groups. For some non-suicidal autoaggressive phenomena the situation is similar to that in the female group.

Surely, from the narcological positions, this is not surprising, such addictive poly-patency is a widely studied fact, but, nevertheless, in the context of suicidology these associations are considered by some researchers to be a certain way of realization of autoaggressive impulses [16]. Besides, we see statistically significant differences concerning traumatic hobbies which, by the way, were the reasons for suspended sentences.

Таблица 5 / Table 5

Предикторы аутоагрессивного поведения у курящих девушек
Predictors of Autoaggressive Behavior in Smoking Girls

Признак Parameter	Курящие девушки Smoking Girls n=148		Некурящие девушки Non-Smoking Girls n=347		χ^2	P
	n	%	n	%		
Периоды длительного снижения настроения последние 2 года <i>Periods of prolonged depression of mood for the last 2 years</i>	88	59,5	141	40,6	14,8	0,0001
Периоды длительного снижения настроения в течение жизни вообще <i>Periods of prolonged depression of mood in life in general</i>	88	59,9	146	42,1	12,6	0,0004
Периоды безысходности последние 2 года <i>Periods of hopelessness for the last 2 years</i>	69	47,6	104	30,0	12,7	0,0004
Периоды безысходности раньше вообще <i>Periods of hopelessness in previous life</i>	76	52,4	118	34,0	13,1	0,0003
Склонность к неоправданному риску <i>Inclination to unjustified risk</i>	42	28,8	63	18,2	6,7	0,0097

Безусловно, мы не можем выносить окончательное и однозначное решение о связи обнаруженных данных именно с аутоагрессивностью личности, как, впрочем, не можем и полностью отрицать таковую. При отсутствии явных указаний на прочие аутоагрессивные проявления, квалификация обнаруженных отличий может носить сугубо наркологический характер. Тем не менее, полученные данные существенно расширяют наше представление о связи рассматриваемых явлений.

Рассмотрим спектр обнаруженных статистически значимых предикторов аутоагрессивного поведения (табл. 5). Сразу оговоримся, что достоверные отличия были обнаружены нами только среди девушек.

Прежде всего, это касается гипотимических периодов, сопровождающихся отчётливыми переживаниями безысходности. Обнаруженная склонность к неоправданному риску в женской группе коррелировала с наличием опасных для жизни хобби, что вполне логично. Таким образом, обнаруженные поведенческие и аффективные нарушения гармонично «встраиваются» в общую картину аутоагрессивного профиля курящих девушек.

Ассоциацию суицидологически значимых феноменов и факта курения сложно объяснить только с позиций влияния гендера. Вероятнее всего, мы столкнулись с весьма примечательным феноменом в женской группе, имеющим прямое отношение к большей их суицидологической «заряженности», а не только – к вредной привычке наркологического спектра. И курение в группе молодых женщин стоит рассматривать шире просто аддиктологической составляющей. Именно курение, вероятно, может являться индикатором личностного дискомфорта, имеющихся эмоциональных проблем, часто ассоциированных с суицидальными паттернами в мыслях и поведении.

Выводы:

Результат проведённого исследования даёт возможность предположить наличие связи между табакокуре-

Certainly, we cannot make a final and categorical judgment of connection of the obtained data with just the autoaggressiveness of a personality, nor can we completely deny it. In the absence of the evident signs of other autoaggressive phenomena, qualification of the detected differences may have a purely narcological character. Nevertheless, the obtained data considerably expand our understanding of connection between the examined phenomena.

Let us consider a spectrum of detected statistically significant predictors of autoaggressive behavior (Table 5). But first of all, we should warn that the reliable differences were found by us only in girls.

This first of all concerns hypothymic periods running with evident feelings of hopelessness. Detected inclination to unjustified risk in the female group correlated with the existence of life-threatening hobbies, which is quite logical. Thus, detected behavioral and affective disorders harmoniously «build» into the general picture of the autoaggressive profile of smoking girls.

It is difficult to explain association of suicidologically significant phenomena and the factor of smoking exclusively from positions of gender influence. Most probably, we are facing a rather remarkable phenomenon in female group directly related to their higher suicidological «charge», and not only being a bad habit of the narcological spectrum. Smoking in the female group should be regarded in a wider aspect than just a simple addictological component. It is just smoking that can probably be an indicator of personal discomfort, of existing emotional problems that are often associated with suicidal patterns in the thoughts and behavior.

нием и аутоагрессивным поведением в изученной женской группе, где он, очевидно, связан как с суицидальными паттернами, так и рядом значимых предикторов аутоагрессивного поведения.

Подобных закономерностей не обнаружено в отношении лиц мужского пола, что вносит существенные коррективы в существующие представления о связи табакокурения и аутоагрессивного поведения.

3. Носит ли такой «гендерный перекос» временный или устойчивый характер – этот аспект требует дальнейшего уточнения. Однако, как нам представляется, для продолжающих курить девушек (несмотря на изменившееся отношение к таковым в обществе), этот факт может выступать в качестве прогностического суицидологически значимого феномена, в отличие от мужской популяции аналогичного возраста, где он – скорее продолжает оставаться преимущественно наркологической проблемой.

4. Полученные данные целесообразно использовать как в суицидологической, так и наркологической практиках.

Литература / References:

1. Monitoring tobacco use and prevention policies. WHO report on the global tobacco epidemic 2017. Geneva, Switzerland, 2017.
2. Суховская О.А. Табакокурение и суицид (обзор литературы). *Суицидология*. 2018; 9 (3): 92-98. [Sukhovskaya O.A. Smoking and suicide. Review. *Suicidology*. 2018; 9 (3): 92-98.] (In Russ) doi: 10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-92-98
3. Жардецкий А.Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз): Автореф. дис. канд... мед. наук. М., 2003. [Zhardetskiy A.N. Autoaggressive behavior of the accused (typology, forensic psychiatric evaluation, prognosis): Avtoref. diss. kand. med. nauk. M., 2003.] (In Russ)
4. Зотов П.Б. Суицидальное поведение заключённых следственного изолятора. *Тюменский медицинский журнал*. 2017; 19 (2): 3-11 [Zotov P.B. Suicide behavior of detained in custody. *Tyumen Medical Journal*. 2017; 19 (2): 3-11] (In Russ)
5. Гурьянов М.С., Камаев И.А., Иванов А.А., и др. Распространенность курения среди медицинских работников. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина*. 2009; 4: 511-514. [Guryanov M.S., Kamaev I.A., Ivanov A.A., et al. Prevalence of smoking among the medical workers. *RUDN journal of Medicine*. 2009; 4: 511-514.] (In Russ)
6. Руженков В.А., Руженков В.В., Боева А.В. Концепции суицидального поведения. *Суицидология*. 2012; 4: 52-60. [Ruzhenkov V.A., Ruzhenkova V.V., Bueva A.V. Conceptions of suicidal behavior. *Suicidology*. 2012; 4: 52-60.] (In Russ)
7. Пилягина Г.Я. Аутоагрессия: биологическая целесообразность или психологический выбор? *Таврический журнал психиатрии*. 1999; 3 (3): 24-27. [Pilyagina G.Ya. Aggression: biological or psychological appropriateness of the choice? *Taurida journal of psychiatry*. 1999; 3 (3): 24-27.] (In Russ)
8. Сомкина О.Ю., Меринов А.В. Феномен аутоагрессивного поведения и алкогольная зависимость (обзор литературы). *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация,*

Conclusions

1. The result of the conducted study allows to suggest existence of a link between tobacco smoking and autoaggressive behavior in the studied female group, where it is associated with both suicidal patterns and a number of significant predictors of autoaggressive behavior.

2. Such regularities were not found in individuals of male gender, which makes important corrections to the existing ideas about connection between tobacco smoking and autoaggressive behavior.

3. Is this gender «distortion» temporary or permanent? This aspect requires further study. However, for girls who continue smoking, this factor (despite changed attitude to them in the society) may be a suicidologically significant prognostic phenomenon, in contrast to the male population of similar age where it continues to remain mostly a narcological problem.

4. It is reasonable to use the obtained data both in the suicidological and in narcological practice.

- развитие: электрон. науч. журн. 2014; 2 (5): 56-68. [Somkina O.Y., Merinov A.V. The phenomenon of autoaggressive behavior and alcohol dependence (review). Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2014; 2 (5): 56-68.] (In Russ)
9. Shneidman E.S. Comprehending Suicide. Landmarks in the 20th – Century Suicidology. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. 215 p.
10. Меннингер К. Война с самим собой. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 480 с. [Menninger K. *War with yourself*. M.: Eksmo-Press, 2000. 480 s.] (In Russ)
11. Tanskanen A., Tuomilehto J., Viinamäki H., et al. Smoking and the risk of suicide. Finland, 2008.
12. Korhonen T., Sihvola E., Latvala A., et al. Early-onset tobacco use and suicide-related behavior – A prospective study from adolescence to young adulthood. *Addictive Behaviors*. 2018; 79: 32-38. doi: 10.1016/j.addbeh.2017.12.008
13. Кукес В., Маринин В., Гаврисюк Е. Механизмы формирования никотиновой зависимости. *Врач*. 2011; 3: 14-18. [Kukes V., Marinin V., Gavrisyuk E. The mechanisms of development of nicotine dependence. *The Doctor*. 2011; 3: 14-18.] (In Russ)
14. Кольчурин А.В., Самойленко В.В., Овчаренко С.А. Фармакотерапия табачной зависимости. *Лечебное дело*. 2005; 1: 31-32. [Kol'churina A.V., Samoylenko V.V., Ovcharenko S.A. Pharmacotherapy of tobacco dependence. *Medical Business*. 2005; 1: 31-32.] (In Russ)
15. Шустов Д.И., Меринов А.В. Диагностика аутоагрессивного поведения при алкоголизме методом терапевтического интервью. Пособие для врачей психиатров-наркологов и психотерапевтов. М., 2000. [Shustov D.I., Merinov A.V. Diagnosis of autoaggressive behavior in alcoholism by therapeutic interview. Manual for psychiatrists, narcologists and psychotherapists. M., 2000.] (In Russ)
16. Шустов Д.И. *Аутоагрессия, суицид и алкоголизм*. М.: Когито-Центр, 2004. [Shustov D.I. *Autoaggression, suicide, and alcoholism*]. M.: Kogito-TSentr, 2004.] (In Russ)

SUICIDOLOGICAL CHARACTERIZATION OF SYSTEMATICALLY SMOKING YOUNG PEOPLE OF BOTH GENDERS

A.V. Merinov¹, K.V. Polkova¹, O.V. Kazaeva¹, K.E. Staferova¹, N.L. Merinov²

¹Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia; merinovalex@gmail.com

²Odintsovo narcological dispensary, Odintsovo, Russia; nikmerinov@gmail.com

Abstract: The problem of tobacco smoking in Russian Federation continues to remain a matter of concern of the medical community, despite a noticeable reduction of spread of smoking among young people thanks to promotion of

healthy lifestyle. Smoking is studied as an absolute risk factor for somatic pathology, however, recently of increasing interest is a probable relationship between tobacco smoking and personal autoaggressiveness. Some works note a positive correlation between intense smoking and suicidal behavior, but these assessments are mostly retrospective. This fact impedes qualification of the role of smoking. In view of the above, a study and comparison of autoaggressive characteristics of groups of smoking and non-smoking young people were carried out. Aim. To study statistically significant differences in the autoaggressive profile between groups of smoking and non-smoking young males and females. To establish relationship between systematic smoking and expression of autoaggressive stigmas among young people. Materials and Methods. 495 Girls and 231 boys were examined and were later classified into smoking and non-smoking individuals. The criterion of inclusion into the studied groups was systematic smoking with more than ten cigarettes smoked per day. As a diagnostic tool, a questionnaire was used for identification of autoaggressive patterns and of their predictors in the past and present. Comparison of all characteristics studied in the subgroups was carried out. Mathematical processing of the data was conducted using SPSS-Statistics and Statistica 12 programs. Results and Discussion. The data obtained in the study showed an apparently increased autoaggressive «potential» in the studied groups. High parameters characterizing the suicidal orientation of realization of autoaggressive impulses were found only among girls: the number of suicidal ideas in this group was over one and a half than that of the control group (34,9% vs 21,1%), and the number of suicidal attempts – more than three times (17,0% vs 5,5%). The emerging data need further examination, however, even at this stage of study it is possible to speak about prognostic significance of smoking for diagnosing the risk of suicidal behavior in girls. The detected non-suicidal phenomena of autoaggressive behavior in girls attract attention by mostly «narcological» way of realization of autoaggressive impulses (alcohol abuse was observed in 24.8% of cases, narcotic drugs – in 20.4% (in the control group – 4.6% and 7.8%, respectively) and by a risky mode of behavior with three and more times difference between groups. As for the groups of boys, no statistically significant differences in the suicidal profile were found ($p>0,05$). This may be due to a more loyal attitude to smoking men in our country that has been established within several decades. Concerning predictors of autoaggressive behavior, it is necessary to mention periods of hypothyria with a feeling of despair in the female group. The detected inclination to unreasonable risk in smoking girls correlated with the existence of dangerous hobbies. Thus, the detected affective and behavioral disorders were in harmony with the autoaggressive profile of smoking girls. It is difficult to explain the connection between suicidal phenomena and tobacco smoking only from the point of view of gender influence. Smoking in a group of young women is likely to be an indicator of a personal discomfort, affective problems, often associated with suicidal patterns, both in thought and behavior. Conclusions. In the study, a link was established between tobacco smoking and autoaggressive behavior in the female group. When working with smoking girls, tobacco smoking should be regarded as a risk factor for suicidal behavior. The absence of such suicidal patterns among young men requires clarification of the role of gender.

Key words: nicotine dependence, smoking, autoaggression, suicidal behavior

Вклад авторов:

- А.В. Меринов:* разработка дизайна исследования, обзор публикаций по теме статьи, анализ полученных данных, статистический анализ, написание текста рукописи;
К.В. Полкова: обзор и перевод публикаций по теме статьи, получение данных для анализа, редактирование текста рукописи;
О.В. Казаева: обзор публикаций по теме статьи, статистический анализ, редактирование текста рукописи;
К.Е. Стаферова: получение данных для анализа, статистический анализ, редактирование текста рукописи;
Н.Л. Меринов: получение данных для анализа, редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

- A.V. Merinov:* developing the research design, reviewing of publications of the article's theme, obtaining data for analysis, analysis of the obtained data, statistical analysis, article writing;
K.V. Polkova: reviewing and translated relevant publications, obtaining data for analysis, analysis of the obtained data, article editing;
O.V. Kazaeva: reviewing of publications of the article's theme, analysis of the obtained data, article editing;
K.E. Staferova: obtaining data for analysis, analysis of the obtained data, article editing;
N.L. Merinov: obtaining data for analysis, article editing.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.
Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 22.06.2019. Принята к публикации / Accepted for publication: 11.09.2019.

Для цитирования: Меринов А.В., Полкова К.В., Казаева О.В., Стаферова К.Е., Меринов Н.Л. Суицидологическая характеристика систематически курящих молодых людей обоего пола. *Суицидология*. 2019; 10 (3): 32-41. doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-32-41

For citation: Merinov A.V., Polkova K.V., Kazaeva O.V., Staferova K.E., Merinov N.L. Suicidological characterization of systematically smoking young people of both genders. *Suicidology*. 2019; 10 (3): 32-41. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-32-41